

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 330.1

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н. Д. КОНДРАТЬЕВА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

*А. И. Губарь, докт. экон. наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, академик МАОП, Барнаул, Россия,
e-mail: gubar-tamara@mail.ru*

Аннотация. Освещаются место и роль творческого наследия Н. Д. Кондратьева в мировой экономической науке. Проводится критический анализ подходов к исследованию проблем больших циклов в экономической динамике. Рассматриваются проблемы длинноволновых циклических процессов экономики с позиций кондратьевской методологии социально-экономического генезиса.

Ключевые слова: цикличность, динамика, Н. Д. Кондратьев, тренд, казуальность, длинные волны.

THE THEORETICAL HERITAGE OF N. D. KONDRATIEFF IN LIGHT OF THE PROBLEMS OF MODERN ECONOMIC SCIENCE

A. I. Gubar, doctor of Economics, Professor, honored worker of the Higher school of the Russian Federation, Academician MAOP, Barnaul, Russia

Abstract. Highlights the place and role of the creative heritage of N. D. Kondratiev in the world economic science. A critical analysis of approaches to the study of the problems of large cycles in economic dynamics. The problems of long-wave cyclical processes of the economy from the standpoint of the Kondratiev methodology of socio-economic Genesis are considered.

Keywords: cyclicity, dynamics, Kondratiev N. D. trend, causality, long waves.

Трудно переоценить масштабы и богатство научного наследия великого русского ученого-экономиста Н. Д. Кондратьева, подлинное значение которого не полностью раскрыто до настоящего времени. В данном докладе выделены три основных направления:

первое — значение и роль научного наследия Н. Д. Кондратьева

в развитии мировой экономической науки;

второе — основные этапы и особенности научной и практической деятельности Н. Д. Кондратьева;

третье — проблемы больших циклов экономической динамики в современной экономической науке в свете кондратьевской методологии социально-экономического генезиса.

Значение и роль научного наследия Н. Д. Кондратьева в развитии мировой экономической науки. Исторически сложилось так, и в этом одна из особенностей научного наследия Н. Д. Кондратьева, что его исследования и их результаты получили широкое признание, прежде всего, за рубежом.

Высокую оценку работы Н. Д. Кондратьева получили от безусловных авторитетов, классиков экономической науки: Дж. М. Кейнса, Й. Шумпетера, С. Кузнеця, И. Фишера, от таких известных ученых, как У. Митчелл, Г. Хаберлер, М. Блауг и др. [1, 2, 3, 23, 24, 5, 11].

В знаменитом списке М. Блауга, включающем 200 виднейших ученых-экономистов времен и народов (100 — до Дж. Кейнса и 100 — после Дж. Кейнса) включены лишь два имени российских экономистов: Н. Д. Кондратьев и Е. Е. Слуцкий.

В послекейнсианский период российских ученых в этом списке нет. С известной степенью условности можно назвать имена С. Кузнеця и В. Леонтьева — экономистов российского происхождения, получивших вузовское образование в российских университетах¹.

Эти четыре имени при всем несовпадении их научных интересов и судеб имели целый ряд объединяющих родовых черт, очевидно, все же, происходящих из традиций российской школы экономической мысли.

Теоретические построения названных авторов строятся на базе исследования уникального, колоссального по объему экономико-

¹ В посткейнсианском списке виднейших ученых-экономистов упущено имя единственно советского лауреата Нобелевской премии по экономике Л. В. Канторовича. Очевидно, М. Блауг недооценил обстоятельства, в которых математику с мировым именем приходилось продвигать свои экономико-математические модели в условиях партийного руководства экономической наукой.

статистического материала. Н. Д. Кондратьев исследовал статистический материал по развитым капиталистическим странам за 100–140–200 лет. С. Кузнец изучал взаимосвязь между экономическими колебаниями и долговременным экономическим ростом за столетний период, матрицы «затраты-выпуск». В. Леонтьева синтезировали миллионы межотраслевых экономических взаимодействий. Е. Е. Слуцкий работал с динамическими рядами Н. Д. Кондратьева, изучал изменения урожайности и цен на пшеницу в Англии за 369 лет, России — за 115 лет.

Исследования колоссального экономического материала, как правило, проводились с помощью оригинального, самостоятельно разработанного математического аппарата. Выявленные при этом особенности и закономерности развития социально-экономических процессов объяснялись теоретически, восходя к глубинам философской методологии и теории познания. Так, Б. Улин, член Нобелевского комитета, отмечая особенности научного вклада С. Кузнеца, писал: «Он перерывал поистине огромный статистический материал, подвергая его столь глубокому анализу, что он искрился мыслью и проливал новый свет на проблемы экономического роста» [8].

Следует отметить, что творческое наследие именно этих авторов, в первую очередь, постепенно, исподволь, проникает в научный оборот в нашей стране, начиная с последней трети прошлого века. Это проходит не без трений в Москве, Ленинграде, Новосибирске. Данный процесс особенно оживляется в Новосибирском научном центре, где с 60-х гг. XX в. начинает работать основоположник мировой экономико-математической школы академик Л. В. Канторович.

Отличительной особенностью, определяющей контексты российской экономической науки прошедшего столетия, является некая маятниковость ее развития. Рубеж XIX–XX вв. обозначен существенным подъемом российской экономической науки, идейный потенциал которого далеко не полно освоен до настоящего времени. Эти годы отмечены трудами таких видных ученых, как С. Н. Булгаков, М. И. Туган-Барановский, П. В. Воронцов, Н. Ф. Даниельсон, В. В. Святловский, П. Б. Струве и др.

В первые послеоктябрьские годы созданный задел успешно развивался в работах Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова, Л. Н. Юровского, В. Г. Громана, Е. Е. Слуцкого, Л. Н. Литошенко и др. В те суровые времена еще сохранялись иллюзии «свободного творчества», «научной объективности», на которые «поймались» многие интеллектуалы.

лы, оставшиеся после высылки за кордон в 1922 г. российских ученых-гуманитариев.

Но уже к началу 20-х гг. XX в. утверждается одно направление. Именно с тех пор с рубежа 20-х-30-х гг. советская экономическая наука, вместе с утверждением большевистского тоталитаризма, стала быстро превращаться в «говорящую лошадь», и «удивительно не то, что она говорит, а то, что она умеет разговаривать» [9, с. 218].

Маятниковость сопряжена непосредственно с двумя существенными следствиями в развитии любых социально-экономических систем, включая и экономическую науку.

Первое следствие — полное, огульное, абсолютное отрицание всего, что было представлено в общественной науке в предшествующий период. Объективно это обусловлено естественной реакцией на подавление, замкнутость, единоверие в социальной науке. Но, в принципе, это реактивно-волатильный подход неверен по существу. Так, при всех изъянах социально-коммунистического подхода в нем прорастают, пробивают дорогу отдельные феномены: Кондратьевы, Чаяновы, Слуцкие, Канторовичи, Новожиловы, а также Шаталины, Гранберги, Петраковы, Львовы и др. Осознание того, что в научных анналах и в советское время накоплено много ценного, как и важность осмысления всего позитивного, творческого, социально ценного, что имеется в марксизме, пока что в большей мере свойственно продвинутым зарубежным авторам [3, 9, 11].

Второе следствие имеет фундаментальный характер. Именно в силу этого своего качества оно остается до настоящего времени, по существу, неизученным. Действие его распространяется не только на процессы развития общественной науки, но присуще в той или иной мере любым социальным системам, является их неизбежным, имманентным свойством. Его можно определить как свойство трансформационности, закрепляющееся в динамике социальных систем.

С цивилизационной точки зрения, трансформационные изменения происходят как в позитивном, так и в негативном направлении.

Внешне представляется, что любое общество, устремленное на путь перспективного развития и процветания, будет искать и находить инструменты поощрения позитивных и ограничение негативных трансформаций. Но история не очень подтверждает этот вывод. Позитивный цивилизационный тренд демонстрирует его лишь в самом общем виде. Наряду с этим история человечества до едва терпи-

мого предела наполнена негативами: социальное угнетение, беспардонная дифференциация жизненных условий, нищета, войны, предательства, перевороты, хунты; уже не касаясь драм, трагедий, извращений, комедианства и унижений частной жизни индивидов.

Представляющиеся неистребимыми многообразные негативные трансформации закрепляются и процветают в силу двух основных обстоятельств социальной жизни.

Во-первых, они привлекают чисто внешней облегченностью, краткостью и плодотворностью путей и методов достижения тех или иных целей, благ, удовлетворения потребностей. И в этом они проявляют себя как социальные сорняки, произрастающие как бы сами по себе, не требующие особых затрат. В этом же направлении действуют и социальные клише суверенитета, независимости, свободы индивидуального выбора личности. В результате большинство индивидов терпит практически любые изъятия в окружающих их социальных системах, находя для себя ниши позитивной жизнедеятельности.

Именно на данном феномене держится долго большинство непостижимых негативов в социальных системах начиная с семьи, в трудовых сообществах, фирмах, корпорациях, государствах [18, с. 8–9].

Применительно к российской экономической науке — это выражается в том, что трудный, но творчески эффективный путь оригинальных, самостоятельных, проблемных исследований, как, впрочем, и во многих других сферах под сурдинку борьбы за прагматизм, четкость, управляемость, за оберегаемые чиновничеством показатели, все более откровенно подменяется вульгарно-формальным подходом. В ход идут аргументы из благих намерений связи с производством, быстрой экономической отдачи, количественной определенности научного вклада, повышения его эффективности, информационной прозрачности и т. д.

Результат не заставляет себя ждать. Быстрое возрастание формальных показателей не только не ведет к их качественному наполнению, но, напротив, сопровождается скоротечным выхолащиванием, дезориентирует и дестимулирует работу исследовательских коллективов.

Дихотомия внешнего, формального состояния и реального содержания, и уровня научных работ подавляющего, исчерпывающего числа отечественных экономистов свидетельствует о тупиковости возобладавшего подхода к оценке результатов научной деятельности.

Данный подход особенно пагубен в решении именно инновационных задач. Даже если эти задачи сформулированы, поставлены и достигнуты внешние формально положительные результаты. Они остаются нерешенными по существу. Не по тому ли остаются на уровне деклараций проблемы внедрения инноваций в производственную деятельность, развития малого бизнеса, структурной перестройки, совершенствования системы управления и т. д.?

Негативные трансформации, наряду с позитивными социально-экономическими процессами существуют в любой социальной системе. В этом все социальные системы, при всем их историческом многообразии, едины¹.

Соотношения цивилизационных позитивов и негативов образуют своеобразные волны в направлениях институционального развития общества, которые, естественно, пересекаются с известными циклическими процессами в экономике, демографии, технике, политике, культуре, духовной сфере и т. д. Характер взаимодействия этих циклов сложен и, по существу, не исследован. Известные марксистские построения неудовлетворительны и недостаточны, хотя и превосходят, на наш взгляд, по своей научной основательности, все последующие попытки в этом направлении. К. Марксу, отмечает В. Леонтьев, удалось описать механизм амплитуды регулярно повторяющихся деловых циклов и сделать «... выдающийся ряд сбывшихся прогнозов, которым современная экономическая наука со всем ее аппаратом противопоставить ничего не может» [9, с.106].

Основные этапы и особенности научной и практической деятельности Н.Д. Кондратьева. Н.Д. Кондратьев свою научную деятельность начинал в период исторического социально-экономического слома. Российское общество, исчерпав институциональные устои развития (а не только экономические и политические, как принято считать) пыталось определить пути построения эффективной социальной системы. Именно с этих позиций необходимо рассматривать направленность, содержание и значение работы этого ученого.

Николай Дмитриевич Кондратьев родился в 1892 г. в многодетной крестьянской семье. Был старшим из 10 детей.

В 1911 г., получив после сдачи экстерном экзамена в гимназии на аттестат зрелости, поступил на юридический факультет Петербургского университета.

¹ В так называемых демократических системах накапливаются факторы доминантности и насилия, которые являются важными, но производными инструментами.

В студенческие годы Н. Кондратьев включается в атмосферу напряженной творческой жизни. Научными исследованиями в университете руководят видные ученые с мировыми именами: М. И. Туган-Барановский, В. В. Святловский (политэкономия), А. С. Лаппо-Данилевский (история, социология), Л. И. Петражицкий (право, экономика).

Петербургский университет был ведущим вузом в стране. В нем обучалась четверть всех университетских студентов России.

Была система свободного посещения занятий и выбора преподавателей. Например, на юридическом факультете курс политической экономии читали профессор П. И. Георгиевский и приват-доцент М. И. Туган-Барановский. Н. Кондратьев, как и большинство студентов, посещал курс М. Туган-Барановского, труды которого к настоящему времени считаются классическими. Считая себя учеником Туган-Барановского, с его верой в этические основы экономики Н. Д. Кондратьев подчеркивал, что если социализм явится, не имея социально-культурных предпосылок, то он приведет не к свободе и благополучию, а к нищете. В 1923 г. он писал: «Это мы наблюдаем теперь у нас» [10, с. 252].

После успешной защиты и публикации выпускной дипломной работы Н. Д. Кондратьев был оставлен в университете «для приготовления к профессорскому званию по кафедре политической экономии и статистики».

Выходец из крестьянской среды, а Россия в то время была преимущественно именно крестьянской, земледельческой страной, Н. Д. Кондратьев еще с юношеских лет вступил в партию эсеров (1905 г.). Вопросы землепользования, кооперации, эффективности сельскохозяйственного производства, обеспечение населения продовольствием тесно смыкались с программой этой партии и были предметом научной и практической деятельности Н. Д. Кондратьева.

После Февральской революции он работает секретарем А. Ф. Керенского по делам сельского хозяйства, выступает на I Всероссийском Съезде Советов крестьянских депутатов с докладом по продовольственному вопросу. В октябре 1917 г., непосредственно перед Октябрьским переворотом, занимает пост товарища министра продовольствия. Избирается делегатом Учредительного собрания.

После разгона Учредительного собрания входит в состав «Союза возрождения России» — организации, выступающей против большевиков. Был арестован, но освобожден через месяц, благодаря ходатайствам И. А. Теодоровича и А. В. Чаянова.

С 1919 г. после полного отстранения эсеров от власти Н. Д. Кондратьев отходит от политической деятельности и сосредоточивается на научной и плановой работе.

Н. Д. Кондратьев преподает в нескольких высших учебных заведениях — Университете Шанявского, Кооперативном институте, Петровской сельскохозяйственной академии.

Одновременно он работает в Народном комиссариате земледелия начальником управления сельскохозяйственной экономики и политики. В Госплане СССР Н. Д. Кондратьев возглавил разработку так называемой сельскохозяйственной пятилетки 1923–1928 гг.

В 1920 г. Н. Д. Кондратьев основывает Конъюнктурный институт. Первоначально это была небольшая научно-исследовательская лаборатория, насчитывающая в своем составе 5 человек.

В силу актуальности и практической значимости разрабатываемых материалов лаборатория быстро приобрела высокий авторитет в правительственных кругах и в научном мире. Ее состав был увеличен до 50 человек и включен в структуру Всесильного Наркомфина СССР.

В числе первых работников Конъюнктурного института были такие ученые, известные в настоящее время, как Е. Е. Слуцкий, Альб. Вайнштейн, А. А. Конюс, Н. С. Четвериков, Л. М. Ковальская и др. О вполне обоснованном их авторитете свидетельствует то, что из числа первых работников института двое вошли в знаменитый список М. Блауга «100 великих экономистов до Кейнса».

С появлением новых работ Н. Д. Кондратьева и возглавляемого им института все явственнее назревал разрыв с утверждающейся официальной партийной линией во взглядах на пути развития общества и экономической науки, с принципами волюнтаризма и последующего тоталитаризма.

В августе 1922 г. Н. Д. Кондратьев был включен в список лиц, подлежащих высылке из страны, арестован. Только по ходатайству заместителя наркома земледелия Н. Осинского, который писал, что «арестован руководитель целого управления без всякого предупреждения комиссариата, благодаря чему срывается ряд статистических работ и выработка производственного плана комиссариата». Н. Д. Кондратьев был исключен из списка лиц, высылаемых из страны.

В 1924 г. Н. Д. Кондратьев выезжает (с женой) за рубеж в США, Великобританию, Германию, Канаду для изучения широкого круга вопросов по аграрной проблематике, оценке ситуации на мировом рын-

ке сельскохозяйственной продукции. Высланный за границу, его дружба юности П. Сорокин, с которым они прожили в молодые годы около 10 лет в одной комнате, предлагал остаться за границей, занять должность заведующего кафедрой в одном из университетов США. Это предложение Н. Д. Кондратьевым было отвергнуто.

После заграничной командировки Н. Д. Кондратьев активно работает в области планирования. В 1926 г. выступает с научным докладом «Большие циклы конъюнктуры» в Институте экономики РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук).

Данная работа, ее основные положения получили широкий резонанс, явились предметом многочисленных обсуждений, поддержки и критических выступлений как у нас в стране, так и за рубежом. Именно в эти годы в мировой экономической литературе с подачи Й. Шумпетера появились понятия «циклы Кондратьева», «длинные волны экономической конъюнктуры Кондратьева». В отечественной научной прессе отзывы о работе Н. Д. Кондратьева были значительно менее благосклонны, носили в большей степени острокритический характер.

Серьезные последствия, как лично для Н. Д. Кондратьева, так и для развития экономической науки и практики в стране имела дискуссия по проблемам разработки проекта пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

Выступая с позиций так называемого генетического подхода, Н. Д. Кондратьев подверг резкой критике проект пятилетнего плана, разработанной Центральной комиссией при Госплане под руководством С. Г. Струмилина.

Основные положения критического подхода Н. Д. Кондратьева состояли в следующем:

- план должен строиться на основе анализа и оценки объективного, реального положения в экономике страны;
- показатели плана должны носить не директивный, а индикативный характер, поскольку экономическая наука не может дать точный количественный расчет множества многообразных процессов и взаимосвязей в народнохозяйственной системе;
- план должен быть сбалансирован. В частности, перспективы индустриализации должны быть тесно увязаны с вопросами развития сельского хозяйства, решением множества возникающих социальных проблем;

— план должен включать экономический механизм заинтересованного включения основных субъектов в его исполнении.

Острые дискуссии в связи с проектом пятилетнего плана шли по вопросам частного капитала, кооперации, связи с мировым рынком.

Решения по всем этим вопросам принимались далеко не на основе научных обоснований и обсуждений. Позиции Н. Д. Кондратьева подвергались все более жесткой критике. Речь шла уже не о научной аргументации, а о разоблачении вредителей. Н. Д. Кондратьев был объявлен вождем «трудовой крестьянской партии», которая в своей деятельности связана с «правым уклоном» в ВКП(б).

В июле 1938 г. Н. Д. Кондратьев был арестован, осужден на восемь лет лишения свободы. По повторному приговору расстрелян.

В мае 1967 г. реабилитирован, но поскольку факт реабилитации не был опубликован, продолжалось шельмование имени и трудов Н. Д. Кондратьева до 1987 г.

Н. Д. Кондратьев и множество других «благополучно забытых» исследователей своей главной и ничем не замутненной целью ставили поиск истины. Истины, не подправленной никакими политическими, идеологическими, экономическими интересами и карьерными соображениями. В таком качестве они были обречены противостоять утверждающейся диктатной системе.

Они погибли, были репрессированы или оттеснены на обочины научной деятельности. Но именно эти ученые внесли существенный значимый вклад в развитие экономической науки.

Сколько талантов, гениев погублено в этом противостоянии?! Какие безмерные утраты понесла экономическая и вся общественная наука?! Не только в противостоянии, а в вынужденном и затем уже и в незамечаемом приспособленчестве? И это не просто частный случай, не чьи-то субъективные недостатки. Это сдвиги в общественном сознании, закрепившиеся в формальных и неформальных институтах.

При этом очень важно иметь в виду, что утвердившийся неразвитый социальный холизм явился результатом противостояния, становившимся нетерпимыми, отношениям и изъянам свергнутого общественного строя. Но ломать несовершенное, отжившее — еще не значит достигать успеха в строительстве нового. Более того, социальная система — это не пожарная каланча, не старая городская застройка, которые, как показывает практика, нельзя бездумно сносить. В основе ее жизнедеятельности — судьбы людей — ее

единственное содержание и высший смысл. Цивилизованное общество и его наиболее развитые, творческие слои, усвоив поучительный опыт истории, должны искать и находить более тонкие, совершенные и гуманные орудия преобразований, чем «к топору зовите Русь», «человека с ружьем» или с автоматом.

В настоящее время нет таких ограничений и угроз для развития отечественной экономической науки. Но, к сожалению, нет и результатов, хотя бы отчасти, пусть отдельно приближающихся к уровню работ Н. Д. Кондратьева, Е. Е. Слуцкого, Л. В. Канторовича.

По мнению автора, сложившееся положение является следствием двух основных осложнений.

Первое связано с внедренной псевдосоциалистической массовостью научного творчества. Массовой может быть только самодеятельность, да и то художественная. В этом случае часто наука подменяется околонучными построениями. Авторы, даже увешанные званиями и степенями, тем более их многочисленные последователи в своих изысканиях отходят от цели, подменяя ее отвлечениями в область терминологии, замечаний, графиков, таблиц, эмпирических формул, схоластических рассуждений. При этом большинство авторов искренне заблуждаются относительно научной ценности, полученных результатов, а часто просто «подстегивают» сами собой разумеющиеся выводы к текстовым словоизлияниям. Это распространеннейшая детская диссертационная болезнь, свидетельствующая об отсутствии добротной научной школы, массовости, а следовательно, и разубоженности экономической науки. Идет нарастание количества публикаций, диссертаций, научных степеней и званий при общем скудном уровне научных результатов.

Второе, более существенное, осложнение развития отечественной экономической науки, приобретающее угрожающий характер, первоначально связано с формализацией околонучного менеджмента и аттестации научных кадров. Происходит, на первый взгляд, странное сопровождение усложнения формальных требований, возрастанием фиктивных исследований, заимствований, прямого плагиата. Нарботаны и внедрены технологии оформления и защиты диссертаций, публикаций, рецензий, отзывов. Самая продвинутая часть соискателей, из числа сверхзанятых госслужащих, в качестве едва ли не хобби защищают диссертации, обретают научные степени, звания, часто просто вульгарно проплачиваются и, как правило, попадают на сайт «Диссернета».

Другая, более искушенная, публика по наработанной технологии проходит через хитроумное, как представляется его создателям, сито защит и утверждений.

Отсутствие научных итогов, «опускание» статуса научных степеней и званий в результате их почти не прикрытого хамского присвоения — это важно и печально, но все же еще полбеда. Самое главное — перерождение, дисквалификация научной среды. Особенно это опасно для регионов, удаленных от научных центров. Изменяющаяся в своем составе научная среда начинает производить себе подобных. В таких условиях неплагиаторы и не берущие взяток обретают статус «белых ворон», считаются бунтовщиками.

Объективный процесс вхождения человеческой цивилизации в новый технологический уклад выдвигает перед экономической наукой фундаментальные задачи по налаживанию системы экономических отношений адекватных требованиям качественно изменяющихся условий жизнедеятельности.

Задачи сложные, условия в отечественной экономической науке организационные и особенно материально-финансовые неудовлетворительны. Но все же это не 20-е, даже не 70-е и тем более не 90-е годы XX века. Обретено главное — свобода. И нужно не вовлекаться в негативные трансформации, не поддаваться иллюзиям формальных результатов, за которыми прячется мурло примазавшихся к науке имитаторов.

Вовлечение в серьезную научную работу, об этом говорит опыт наших великих отечественных ученых, должно начинаться с первых лет студенческой жизни. И именно накопленный научный задел позволит достичь высоких результатов, придаст ей глубокий смысл, интерес и позволит занять достойное место среди создателей реального научного знания.

Проблемы больших циклов экономической динамики в современной экономической науке в свете кондратьевской методологии социально-экономического генезиса. Н. Д. Кондратьев не только первый открыл и описал механизм больших циклов экономической конъюнктуры. Он заложил основы методологии исследования закономерностей экономической динамики. Эта не менее значимая часть научного наследия великого ученого, к сожалению, до настоящего времени остается не понятой, клишировано трактуемой даже в самых продвинутых работах посвященных данной тематике. Для дальнейшего реального продвижения в решении проблем, поставленных

Н. Д. Кондратьевым, требовалось подняться на уровень сформулированной им методологии или, как нередко происходит, неявно ее использовать.

Теория цикличности экономической динамики остается по множеству своих ключевых моментов одним из наиболее дискуссионных разделов макроэкономики. К этим моментам, прежде всего, следует отнести:

- вопросы казуальности волновых макроэкономических процессов;
- механизмы распространения и трансформации циклических импульсов;
- возможности и конкретные способы воздействия на макроэкономические колебания.

Естественно, что в работах Н. Д. Кондратьева не на все эти вопросы получены признанные современной наукой ответы. Но относительно первого из них автором сформулирован вполне определенный вывод, который обходится пониманием, а потому и вниманием многочисленных исследователей, объявляющих себя последователями Н. Д. Кондратьева. Причина создавшегося положения заключается, скорее всего, в том, что развернутые обоснования и выводы Н. Д. Кондратьева несколько «выпадают» из формата доминирующих в современных экономических исследованиях подходов, удалены от так называемого мейнстрима.

Отсутствие удовлетворительной теории, объясняющей казуальные основания макроэкономических циклов, несмотря на огромное количество работ, посвященных этой проблеме, связано с двумя важнейшими обстоятельствами.

Первое — определено всеобщностью, универсальностью взаимосвязей в динамике макроэкономических процессов. Отсюда множество объяснений причин, факторов, механизмов цикличности: перенакопление, недопотребление, изменение количества денег, психологические факторы, научно-технический прогресс, неравномерность технического развития, структурные несоответствия, природные феномены и т. д. Современная библиография насчитывает тысячи теорий и гипотез макроэкономической цикличности. Но, по существу, каждая из этих теорий, обнаруживая и описывая вполне реальные и значимые взаимодействия, характеризует лишь некоторую часть циклической макроэкономической динамики. Это направление возникло задолго до появления теории длинноволновой экономиче-

ской динамики и в исчерпывающем своем составе относится к исследованиям среднесрочной цикличности. Но все виды циклов образуют единый, лишь в абстракции делимый процесс, поэтому исследования длинноволновых колебаний обнаруживаются в себе характерные черты, заложенные развитием общей теории макроэкономических циклов [4, 5, 11].

Второе обстоятельство связано со стремлением обобщить в едином комплексе изучаемые взаимодействия в макроэкономических процессах, привести в исследования необходимые элементы строгости и корректности. Такие результаты призвано было обеспечить внедрение методов математического моделирования экономических процессов. Более того, математический инструментарий позволяет выявлять и описывать далеко не всегда видимые в обыденных проявлениях взаимодействия и взаимообусловленности в социально-экономических системах [21, 22, 28]. Достоверности ради следует отметить, что в этой эйфории ожиданий нередко игнорируется положение о том, что далеко не все в социально-экономических взаимодействиях подвержено формализации и просто не может быть учтено.

Само по себе обнаружение повторяющихся систематических связей, удовлетворяющие авторов многочисленных моделей, не дает надежных оснований ни на определение направленности этих связей, ни тем более на их сущностные, причинные истоки. Например, легко обнаружить и даже математически описать взаимосвязь между зенитом солнца и предобеденной рюмкой мистера Смита. Но эта убедительная связь, подтвержденная статистикой и длительным наблюдением, не позволяет делать вывод о том, что наше доброе светило повинно в ежедневных возлияниях, тем более что его отсутствие на небосклоне не отменяет неукоснительность излюбленной процедуры.

Подобные бесчисленные модели макроэкономических взаимодействий не перестают возникать в потоке изысканий по теории цикла, оставаясь не менее удаленными от истины, чем склонность мистера Смита от нашего великолепного светила.

В макроэкономической динамике, как, впрочем, и в любой более или менее сложной системы, волновые, циклические процессы, очевидно, образуют необходимую форму сколько-нибудь длительной эволюции. Когда речь идет о долгосрочном тренде, то волновые колебания отражают сложную природу взаимодействий, в которой происходит воспроизводство макроэкономической системы.

В длительном (для развития макроэкономической системы) периоде многообразные факторы, выступающие как причины и следствия, не могут не повторяться, не перемежаться во времени. Их смещенная временная последовательность, противоположные временные сочетания могут влиять на оценку, понимание существа и характера изучаемого взаимодействия. Казуальность в этом случае становится проблематичной, часто выводится не из существа процесса, а приписывается ему, исходя из постулатов и предпочтений исследователя. При этом процедура постулирования происходит, очевидно, неосознанно для самих авторов, будучи извлекаемой из-под авторитетного груза статистических данных и защищенной более или менее сложной математической формой.

К настоящему времени в множщемся потоке исследований данной проблемы наблюдаются периоды научных прорывов. Более того, как отмечают С. Глазьев и А. Акаев, эти периоды носят характер повторяющихся результативных научных волн [12, 13].

Первые из них обозначены взлетом научного открытия больших циклов развития мировой экономики Н. Д. Кондратьева, а также работами Й. Шумпетера и С. Кузнеца [1, 14, 23]. Высокая оценка этого поистине эпохального открытия, тем не менее, достаточно скоро была несколько отодвинута в экономическом мейнстриме кейнсианской теорией государственного макроэкономического регулирования.

Вторая повышательная волна отмечена работами Г. Меньша, Дж. Ван Дейна, Г. Фримена, вышедшими в 70–80-е гг. XX в. [25, 26, 27]. В период отступления и модернизации кейнсианства и распространения либерал-монетаризма, не устраняющего, тем не менее, экономического скептицизма, получила дальнейшую разработку инновационная теория макроэкономической циклической динамики. В ней сформулированы положения о закономерностях формирования инновационных кластеров, включающих базисные и улучшающие нововведения (Г. Меньш), исследованы механизмы диффузии нововведений и выделена роль социальных инноваций (С. Фримен), показана роль инфраструктуры в инновационно-циклических процессах (Дж. Ван Дейн).

Вторая волна исследований длинноволновых циклов отмечена участием советских ученых экономистов (С. Меньшиков, Л. Клименко, Ю. Яковец) [15, 16]. В мейнстриме экономической теории в эти годы находится монетаристская теория М. Фридмена.

Начало третьей повышательной волны исследований длинноволновых циклов, принимая во внимание всю относительность подобного рода классификаций, целесообразно отнести к рубежу двух последних столетий, а именно к 1990–2011 гг. В эти годы выходят работы С. Глазьева (1990, 1993 гг.), Ю. Яковца (1999, 2004 гг.), М. Хирооки (2002, 2006 гг.), К. Перес (2011 г.), А. Акаева (2009 г.), В. Пантина и В. Лапкина (2006 г.) [12, 13, 19, 20, 22]. Данный этап характерен не только разработкой ряда важнейших положений инновационно-циклической теории макроэкономической динамики, но ее определенным завершением в рамках принятого методологического подхода. Последняя оговорка имеет существенное значение. Подчеркнем, что в общем ряду исследований данной волны особую значимость приобрели: разработки концепции технико-экономических укладов С. Глазьева и общая теория инновационно-технологического развития современной экономики М. Хирооки [12, 21, 22]. Теория М. Хирооки по глубине и охвату эмпирического материала, обоснованности, содержательности, богатству и значимости сформулированных выводов вполне может быть отнесена к числу будущих вероятных номинантов премии им. Нобеля в области экономики. Не питая иллюзий относительно не обреченности данной статьи на безвестность, предлагаю считать данный прогноз в качестве индикатора верности выдвигаемых в ней положений.

Успехи исследований длинноволновых циклических колебаний в развитии экономики, вместе с тем, выявляют и характерную присущую им особенность, а именно — в каждой своей высшей точке они неизменно отодвигаются от мейнстрима в определяющей экономической политике, как правило, на слабозаметные оппонирующие позиции. При этом утверждение, что мейнстрим — это то, что устарело, в данном случае является слабым утешением. Мало смысла также имеет возложение причин на слабость, некомпетентность или ошибки бизнеса и государства. Эти субъекты объективно поставлены в положение, направленное на выбор решений, дающих вполне значимый, реальный экономический эффект, а следовательно, в своих действиях они ориентированы на действующие экономические механизмы.

Авторы современной инновационно-циклической теории единодушно повергают себя в методологию научно-технического детерминизма ошибочно, при этом, полагая, что вслед за Н. Д. Кондратьевым, включают научно-технический прогресс в состав эндогенных фак-

торов экономического развития. А. Акаев подчеркивает, что «... любая теория ДЛВ, чтобы стать состоятельной, должна содержать эндогенный механизм формирования длительных колебаний» [13, с. 23].

С этим нельзя не согласиться, но отсюда не следует, что данный механизм заключен в процессах научно-технического развития, а сами длинноволновые колебания непосредственно порождены изменениями в техническом оснащении экономических процессов. Поэтому положение об эндогенности научно-технического прогресса в циклическом механизме длинных волн в экономике приобретает чисто декларативный характер, принимаемый за содержательное положение. Методологическая позиция неверна, поскольку ищет источник цикличности за пределами экономических процессов непосредственно в самом научно-техническом развитии. По сути, исподволь, имплицитно для самих авторов решается вопрос: что исходно? Научно-технический прогресс — порождение человеческого общества или человеческое общество — сложная, социальная система, созидаящая материальную и духовную цивилизацию, включающую и НТП.

Н. Д. Кондратьев очень тщательно анализирует данную связь, рассматривая одновременно и другие важнейшие факторы, взаимосвязанные с процессами циклической длинноволновой экономической динамики, такие как войны и революции, вовлечение новых территорий в орбиту мировой экономики, колебания в добыче золота. В результате формулирует вполне определенные выводы.

Во-первых, отмечая несомненную связь между техническими изменениями и большими циклами экономической динамики, Н. Д. Кондратьев определенно отрицает их технически детерминантную направленность. «Эти соображения, — пишет Н. Д. Кондратьев, — очень существенны. Но тем не менее, и они не состоятельны. Слабость их состоит в том, что они повертывают причинную связь и принимают следствие за причину» [1, с. 209]. Далее он заключает, что «... направление и интенсивность научно-технических открытий и изобретений являются функцией запросов практической действительности и предшествующего развития науки и техники» [1, с. 210].

Еще К. Маркс, а вслед за ним А. Шпингоф, А. Афталион, Й. Шумпетер и Н. Д. Кондратьев исходили из положения о том, что капитальные ресурсы образуют материальную основу цикла. Но все они последовательно, каждый по-своему внося свой существенный вклад, проводили различие между материальной основой, факто-

рами, осложняющими обстоятельствами и причинами экономических циклов.

То, что закономерности экономической динамики непосредственно выводятся из научно-технических изменений, на наш взгляд, является следствием попадания в ловушку формально-технических подходов. Несколько оправдывают, но не спасают положение рассуждения о том, что «длинноволновые колебания возникают в результате множества нелинейных обратных связей, действующих между технологическими, макроэкономическими, институциональными, социальными подсистемами с различными лагами и с высокой степенью неопределенности» [12].

Динамика экономических процессов связана с непрерывным обновлением их материально-технических основ, которое осуществляется неравномерно, подвержено рывкам, замедлением, структурным несоответствием и взаимообусловленным изменениям. И именно вложения, открывающие пути качественного совершенствования, преобразования материально-технических основ экономики первоначально осуществляется в локально-венчурной форме. Лишь обозначив свою бизнес-успешность, они порождают нарастающий поток инвестиций, одновременно предъявляя измененные требования — спрос на развитие смежных, технически сопряженных производств [14, с. 334–335]. Нарастающий бум вложений и их результатов образует сжатый во времени экономический рост, объективно фиксирующий уже в обновленном виде определенный уровень технической оснащенности экономики, который становится доминирующим, определяющим во всех ее сферах.

Достигнутое равновесие обнаруживает два динамических свойства: во-первых, оно недолговечно; во-вторых, обозначив скоротечную стабильность, оно переходит в застой и все ускоряющийся спад (рецессия). Этому есть экономические обоснования и никакие научные взлеты и технические революции не могут ни остановить, ни тем более устранить данный процесс.

Бизнес-инвестиционная гонка устремляющихся за открывающимися возможностями извлечения высоких прибылей достаточно быстро, а для инфраструктурных стратегических проектов — длительно — приводит к доминированию капиталов определенного относительно прогрессивного технического уровня. Этот уровень, становясь всеохватным, достигнутым общим местом, начинает обнаруживать исчерпываемость своих возможностей. Он не только не обеспе-

чивает, как на первых этапах своего функционирования сверхвысоких доходов, но и нисходит до уровня так называемой нормальной прибыли и прогрессирующих убытков. При этом, естественно, сокращаются инвестиционные возможности и их стимулы. Утрачивая инвестиционные источники, экономика ускоряет сжатие под влиянием действия эффекта акселерации.

На микроэкономическом уровне соответствующий механизм описан и назван нами рентой опережения. На макроэкономическом уровне этот механизм является основным движущим элементом экономической динамики. Всеобщность и универсальность его действия дает основания назвать его механизмом систематической ренты [17, 18]. С определенными модификациями он действует на всех стадиях долговременного экономического тренда, включая короткие, средние и длинноволновые циклы.

Н. Д. Кондратьев рассматривает механизм длинноволнового цикла как совокупность взаимодействий, в которой определяющее значение имеют именно экономические факторы. Не непосредственно в научных открытиях, которые могут быть не замечаемы достаточно долго и даже не в неравномерностях, «рывках» научно-технического прогресса, а в экономически детерминированных приливах и отливах спроса на их результаты заключены импульсы циклической макроэкономической динамики. Отсылка к неравномерностям или даже к достаточно произвольно формулируемой цикличности научно-технического прогресса — не решение проблемы, а ее имплицитный сдвиг в экзогенную зону.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кондратьев Н. Д.* Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика, 1989.
2. *Кейнс Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. Глава XXII. Заметки об экономическом цикле // Антология экономической мысли. — М.: Эксмо, 2009.
3. *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. Часть первая. Марксистская доктрина // Антология экономической мысли. — М., 2008.
4. *Митчел У.* Экономические циклы. Проблема и постановка. — М.; Л.: Госиздат, 1930.
5. *Хаберлер Г.* Процветание и депрессии. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.

6. *Блауг М.* 100 великих экономистов до Кейнса. — М. : Прогресс, 1986.
7. *Блауг М.* 100 великих экономистов после Кейнса. — СПб., 2009.
8. *Улин Б., Кузнец (Kuznets), Саймон.* Лауреаты Нобелевской премии по экономике. [Электронный ресурс]. — URL: glitch organized.info.
9. *Леонтьев В.* Экономические эссе. Теории, исследования, факты и политика. — М., 1980.
10. *Кондратьев Н. Д., М. И. Туган-Барановский* (основные черты его научного мировоззрения). — М., 1940.
11. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. — М. : ДЕЛО; ЛТД, 1994.
12. *Глазьев С. Ю.* Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. — 2012. — № 2 (57). — С. 8–27.
13. *Акаев А.* Большие циклы конъюнктуры и инновационно-циклическая теория экономического развития Шумпетера-Кондратьева // Экономическая наука современной России. — 2013. — № 2(61).
14. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития // Антология экономической мысли. — М., 2008.
15. *Меньшиков С. М., Клименко Л. А.* Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу. — М., 1989.
16. *Яковец Ю.* Циклы. Кризисы. Прогнозы. — М. : Наука, 1999.
17. *Губарь А. И.* Систематическая рента // Известия Алтайского государственного университета. — 1999. — № 2 (12).
18. *Губарь А. И., Самсонов Р. А.* Вопросы теории экономического пространства // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2010. — № 4 (17). — С. 7–12.
19. *Перес К.* Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. — М. : ДЕЛО, 2011.
20. *Пантин В., Ланнин В.* Философия исторического прогнозирования, ритмы истории и перспективы мирового развития. — Дубна : Феникс, 2005.
21. *Акаев А. А., Хироока М.* Об одной математической модели для долгосрочного прогнозирования динамики инновационно-экономического развития // Доклады РАН. — 2009. — № 425(6). — С. 727–732.
22. *Hirooka M.* Innovation Dinamism and Economic Growth. A. Non-linear Perspective Chettenham, IK; Northampton. — MA : Edward Elgar, 2006.

23. *Kuznets S.* Secubar Mowements in Production and Prices: Their Nature and Their Bearing upon Cyctical Fluctualions, 1930.

24. *Mitehel W. C.* Business Cycles. — Berkeley, C. A.: University of Calivornia Press, 1929.

25. *Mensch, G.* Stalemate in Teehnology. Cambridge : Ballinger Publishing Company, 1979.

26. *Van Duign, J. J.* The Long Wave in Economic Life. — London, Boston : George Allen and Unwin, 1983.

27. *Freeman, C.* Teehnical Innovation, Diffuzion and Long Cucles of Economic Development // The Longwave Debate. — Berlin. — 1987.

28. *Kydland, F., Presscott, E.* Time to Build and Aggregate Fluctuations // Econometrica. — 1982. — Vol. 50, № 6. — P. 1354–1370.

УДК 330.33

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЦИКЛИЧНОСТИ НА РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

А. Н. Малаханов, канд. экон. наук, доцент, директор, зав. кафедрой бухгалтерского учета и финансов Алтайского института труда и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», Барнаул, Россия, e-mail: malachanov@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется влияние экономической цикличности на развитие высшего образования в России в начале XXI века, выявляются и рассматриваются основные условия, причины, факторы, закономерности и тенденции развития высшего образования, а также в этом контексте ставится вопрос о необходимости системной модернизации экономики на основе использования принципов и институтов инновационного подхода.

Ключевые слова: экономическая цикличность, развитие, высшее образование, Россия, XXI век.